

О Мите Дьяконове, каким я его знал

Я проработал с Митей более 30 лет и соавтор примерно половины его работ. Поэтому я, вероятно, лучше других могу рассказать о его научном стиле.

Митя был настоящий ученый, беззаветно преданный науке. Таких людей всегда было немного. Он был теоретик высочайшего, мирового класса, способный и к глубоким и оригинальным идеям и к свежему их исполнению на любом техническом уровне сложности. Но дело не только в этом. Он интересовался всей физикой, в известном смысле считал себя ответственным за нее. Он, что называется, “держал картинку” и формировал свое высоко профессиональное мнение по любым вопросам. Спектр наших обсуждений, которыми я всегда так наслаждался, был воистину бесконечен! От квантовых компьютеров и нейросетей к ядерным реакторам, потом к квантовой теории гравитации и проблемам физики сильных взаимодействий и теории твердого тела. Митя знал все и мог ответить на любой вопрос. Я часто бессовестно тратил его время, учась у него или современной теории групп или тому, куда и как летит какая частица в эксперименте и как она детектируется.

Митя был генератор идей и мотормен. Он генерировал по 10 идей в день. Это было возможно именно потому, что он знал всю физику и умел видеть нетривиальные связи между вещами. Конечно, не все они были правильными, но все стоило попробовать. Несомненно, в нашем тандеме он был идеологическим лидером. Рано осознав это, я пытался освободить его от технических деталей. Но это никогда не получалось: он всегда повторял и был соавтором абсолютно всех вычислений. А сколько ошибок он у меня находил! Он всегда держал в голове конечную цель. Выбрав некую линию мысли, мы прошли с ним очень длинный путь сквозь всю физику сильных взаимодействий, рассматривая ее как единое целое. Это было захватывающе интересно. Конечно, не все получалось, как хотелось, но программа была сформулирована за 20 лет до этого...

Митя очень любил учиться. Он с наслаждением менял темы, учась новому. Он всегда очень точно знал, какая тема должна быть следующей, определяя ее важность для нового шага в твердо известном и заданном направлении.

Митя знал весь мир и его знал весь мир. Он был невероятно открыт, контактен, дружелюбен. Недаром среди искренних, неформальных соболезнований, присланных по случаю его смерти, есть 3 нобелевских лауреата и ряд ученых, стоящих не меньше. Он встречался с человеком, тот мгновенно подпадал под его обаяние, и они начинали обсуждать физику. Глядишь, а через минут 15-20 дискуссия сводится к тому, что Митя

объясняет собеседнику, как все устроено... И так, почти независимо от ранга. А как он умел объяснять!

Митя рассыпал за собой научные группы. Он приехал в заштатный немецкий университет в Бохуме и превратил его в первоклассный научный центр, известный не только в Германии, но и везде. Он приехал в первоклассный научный центр Нордиту в Дании и сумел поднять и его уровень. Он приехал в экспериментальную Jefferson Lab (тоже первоклассный центр) и определил половину их программы. А потом сделал то же самое в Японии, а потом организовал группу в Корее.

Митины зрелые годы пришлись на очень тяжелое время для нашей науки. Он вернулся, и наш Отдел все еще жив во многом благодаря ему. Он поддерживал уровень, не допускал скатывания в провинциализм. Он четко понимал, что мы не выживем без молодежи. Он пошел читать лекции в Академический университет, он работал с аспирантами и т.д. Как будто у него было много времени... Но ему нравилось это дело.

Он был прирожденный оптимист. Не потому, что был наивным, он просто выбрал это для себя – только оптимизм конструктивен. Он был очень светлый человек. У него не было ни чинов, ни званий в России, он даже не член-корр., хотя это смешно. Мне просто жалко, что это так, потому что я хотел бы, чтобы он порадовался. Но по-настоящему он радовался (как ребенок), когда получалось в физике. Слава Богу, у него немало в жизни было таких моментов, и я при них присутствовал.

Лучшее, что мы можем сделать в память о нем, это сделать, чтобы его дело не пропало. Чтобы жил наш Отдел, чтобы работал Академический университет, институт в Бохуме и в Корее и т.д. и т.п. Чтобы работало созданное им Общество научных работников.

Только это будет очень трудно без Мити.

Виктор Петров, 28.12.2012